

О коррупции в органах НКГБ — МГБ СССР 1940–1950-х гг.

Тема корыстных преступлений сотрудников органов государственной безопасности в последние годы затрагивается историками¹, но пока не стала предметом отдельного исследования. Между тем документы контрольных партийных органов, в особенности фонд Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 6), содержат большой массив материалов о злоупотреблениях чиновников карательного ведомства.

Криминальный характер большевистской власти основывался на ее уверенности в «законности» насильственного перераспределения общественного богатства из рук имущих классов в пользу менее имущих и неимущих. Известные ленинские формулы относительно целесообразности «грабежа награбленного» и того, что контроль над распределением важнее материального производства², давали необходимую основу политике реквизиций и конфискации, немедленно выродившейся в повсеместные грабежи и расхищения общественного достояния.

Революционные власти создавали многочисленные фактически грабительские структуры — заградительные отряды на транспорте, охотившиеся за «мешочниками»³, продовольственные отряды, занимавшиеся повсеместно фактически бандитизмом чистой воды (Дзержинский, будучи в Сибири, в начале 1922 г. прямо писал, что Красная Армия, наблюдавшая бесчинства продотрядовцев, видя, «как сажают раздетых в подвал и в снег, как выгоняют из домов, как забирают все, разложилась»⁴). Огромный опыт в присвоении чужого добра был накоплен партизанами, которых охотно принимали в советский управленческий, особенно милицкий, аппарат⁵. Наиболее значительные конфискации в годы Гражданской войны предпринимались частями действующей армии⁶.

Особую роль в большевистских экспроприациях играли силовые структуры, особенно ВЧК, пользовавшаяся исключительными правами и менее всего доступная для контроля. Почти неограниченное право арестов и реквизиций логичным образом обернулось возможностью личного обогащения, ибо начавшиеся в 1918 г. массовые и не прекращавшиеся революционные изъятия ценностей создавали много соблазнов. Сохранность реквизированного добра зависела исключительно от сознательности чекистов. Как сообщал губкому партии в 1920 г. председатель Томской губчека М. Д. Берман: «Работа в Чека часто развращает еще не «обстрелянных» коммунистов, и они, прикрываясь «охраной революции», иногда начинают творить безобразия»⁷. На деле безобразия творились не «иногда», а являлись привычным фоном работы чекистских учреждений. Руководители ВЧК признавали: «Кто сам не сотрудничал в этих комиссиях, тому трудно представить, почему так часто отдельные сотрудники, даже коммунисты, попадают на скользкий путь и падают... Сами чрезвычайные комиссии их осуждают нередко на смертную казнь»⁸.

Парадоксально, но поставленная в привилегированные правовые условия как силовая структура ВЧК не получала от казны достаточных ресурсов для своего нормального функционирования. Вероятно, это делалось сознательно или полусознательно, по принципу: если данная организация широко занимается реквизициями и конфискациями, то ее работники голодными и раздетыми не останутся⁹. Поставленные в условия скудной распределительной системы, силовики оказались в большой степени предоставлены сами себе и, по лексике тех лет, практиковали «самоснабжение». Однако без должного государственного обеспечения работа карательных органов серьезно тормозилась. Начальник Прибайкальского облотдела Госполитохраны ДВР И. И.

Клиндер в ноябре 1921 г. жаловался в инстанции, твердя о нуждах голодных сотрудников, которым не платили жалованья и не давали пайка. Чекисты ходили обедать по знакомым, а Дальбюро ЦК РКП (б) «совершенно не старалось» удовлетворять их нужды и вынуждало чекистов самим находить средства, толкая тем самым на преступления. В те же дни начальник Забайкальского облотдела Госполитохраны Ю. М. Букау писал директору ГУ ГПО, министру внутренних дел ДВР и Дальбюро ЦК РКП (б) об отчаянном материальном положении работников, которые, не получая жалованья, «поголовно голодают и не имеют обмундирования»¹⁰. В 1921 г. один из голодавших работников Евпаторийской ЧК в Крыму от отчаяния застрелился. Год спустя глава ГПУ Украины В. Н. Манцев уверял Дзержинского, что украинские чекисты из-за нехватки средств вынуждены зарабатывать на пропитание грабежами и проституцией¹¹.

И армия, и спецслужбы во главе с милицией и ЧК, и партийно-правительственный аппарат — все были изначально поражены грабительством, хищениями и коррупцией. После стабилизации режима и резкого сокращения численности карательных органов их нравы не изменились. Но менялась структура корыстных злоупотреблений: если для первых месяцев и лет существования ВЧК это были прежде всего реквизиции у населения и мародерство при изъятии имущества арестованных и расстрелянных, а также взяточничество, то для 1920-х — 1930-х годов известны широкая контрабанда, мародерство, в т. ч. присвоение «процента» от драгоценностей при конфискационных валютных операциях, а также широкое воровство в системе спецторгов, лагерей и спецпоселений, представлявших собой настоящие финансовые «черные дыры», где контроль за расходованием средств носил неэффективный внутриведомственный характер¹².

Эпизоды с массовой коррупцией начальства ОГПУ-НКВД для конца 20-х и 30-х годов известны для очень многих регионов: Урала, Западной Сибири, Дальнего Востока, Северной области, Москвы, Татарии, Казахстана, Закавказья, Средней Азии¹³. Прибывший на Украину заместитель НКВД СССР Л. Н. Бельский 25 августа 1937 г. отмечал, что «среди руководящих кадров процветает пьянство, разврат, казнокрадство»¹⁴. Брат заместителя наркома внутренних дел Б.З. Кобулова, комиссар госбезопасности Амаяк Кобулов писал в покаянном письме Берии, что во время репрессий арестовывал не столько «врагов», сколько состоятельных жителей Грузии, чтобы потом забрать у них ценности. «При НКВД, — писал один из свидетелей о ситуации 1937 года в Тбилиси, — был открыт спецмагазин для реализации конфискованных при аресте у «врагов народа» вещей, которые приобретали за бесценок сами работники внутренних органов. Был даже такой случай, когда заместители министра и их жены дрались между собой за право покупки вещей. Фельдъегеря (НКВД. — А.Т.) Монтяна расстреляли, чтобы завладеть его хорошей охотничьей собакой и ружьем»¹⁵.

В 1939—1941 гг. для многочисленных чекистских групп, начавших работу на присоединенных к СССР территориях, было характерно широкое «самоснабжение» и прямое мародерство. Проявлялось оно, разумеется, и при высылке «наказанных народов»: так, начальник отдела УНКГБ по Кировской области Ф. С. Лихачев, выселяя в 1944 г. население Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, за присвоение вещей был арестован на 15 суток и уволен из «органов»¹⁶. А с середины 1940-х гг. начинается новая страница в истории советских конфискации — огромное мародерство армии и спецслужб на оккупированных территориях Европы и Маньчжурии. Подарки из украденного трофейного имущества широчайшим образом использовались для одаривания вышестоящего начальства. Установилась даже традиция, по которой выезжавшие за границу офицеры МГБ выражали свое уважение министру госбезопасности В. С. Абакумову дорогими подарками.

Будучи с 1944 г. начальником управления контрразведки «Смерш» Первого Белорусского фронта, А. А. Вадис тогда же создал при управлении «нелегальный склад трофейного имущества», из которого делал подарки заместителям начальника УКР «Смерш» В. С. Абакумова Н. Н. Селивановскому, И. И. Вradiю и другим высокопоставленным чекистам. А самому В. С. Абакумову в 1945 г., будучи в Москве, Вадис отправил на квартиру «чемодан с дорогостоящими вещами». Не забывая и себя — ценное имущество отправлял семье служебным самолетом из Германии в Москву, и супруга Вадиса им спекулировала; сам же из Берлина вывез вагон мебели и прочих вещей, а также легковой автомобиль. Затем Вадис привез в Москву массу «трофеев», приобретенных во время работы в Маньчжурии (меха, шелковые и шерстяные ткани, и пр.), где в 1945 г. служил начальником УКР «Смерш» Забайкальского фронта. Опять-таки Абакумову в конце 1945 г. достались от Вадиса многие ценные вещи, включая сервизы из 120 предметов и шахматы из слоновой кости. Впоследствии Вадис дослужился до заместителя МГБ УССР, но в январе 1952 г. был исключен из партии за то, что не обеспечил мер по ликвидации оуновского подполья, неумеренное пьянство и излишнюю любовь к трофеям¹⁷.

Начальник ОКР «Смерш» 5-й Ударной армии Н. М. Карпенко в 1945 г. реквизирует «большое количество ценностей и валюты, изъятых в отделении Рейхсбанка в Берлине», из которых часть присвоил, а некоторые ценности (платина, золото, серебро, драгоценные камни) незаконно раздал своим подчиненным и другим лицам. Тот же Вадис получил от Карпенко 40–50 золотых часов, из которых себе взял две пары, а остальные раздал руководящим работникам НКГБ¹⁸. Работая с 1947 г. начальником УМГБ по Алтайскому краю, генерал-майор Карпенко был в декабре 1951 г. арестован за мародерство в оккупированной Германии; при обыске у него нашли четыре золотых портсигара, 30 золотых часов и много других дорогих ювелирных изделий. Осужденный за «злоупотребление служебным положением, хищение государственного имущества и ложный донос» на 10 лет заключения, Карпенко был досрочно освобожден в ноябре 1958 г. как инвалид¹⁹.

Среди арестованных абакумовцев оказались затем осужденный начальник отдела «Д» МГБ СССР полковник А. М. Палкин, получивший в октябре 1952 г. 15 лет лагерей за хищения и досрочно освобожденный в 1956 г., а также полковник П. С. Ильяшенко, работавший заместителем начальника одного из отделов МГБ СССР и в феврале 1953 г. за «хищения социалистической собственности» осужденный на 10 лет заключения²⁰. Другие коррупционеры отделались намного легче. Начальник управления контрразведки Центральной группы войск генерал-лейтенант М. И. Белкин во второй половине 40-х годов создал «черную кассу» и занимался спекуляцией. В октябре 1951 г. он был арестован в связи с разгромом окружения Абакумова и в 1953 г. освобожден. Однако из «органов» Белкин затем оказался уволен «по фактам дискредитации». Одновременно с Белкиным за хищения в Германии был арестован генерал-лейтенант П. В. Зеленин, в 1945—1947 гг. работавший начальником УКР «Смерш» — УКР МГБ в Группе советских войск в Германии. В 1953 г. он был амнистирован, однако затем лишен генеральского звания по фактам дискредитации²¹. А бывший Уполномоченный МГБ в Германии генерал-лейтенант Н. К. Ковальчук, повышенный до министра госбезопасности Украины, избежал репрессий, хотя в 1952 г. А. А. Вадис подал заявление руководству МГБ о том, что Ковальчук «привез с фронта два пульмановских вагона трофейных вещей и ценностей»; впрочем, генерал-лейтенанта в 1954 г. лишили звания по фактам дискредитации²².

Отметим, что арест Абакумова в июле 1951 г. привел к настолько масштабной чистке в руководстве «органов», что некоторых его соратников настигло эхо, впрочем, не самое громкое, весьма давних злоупотреблений. Так, генерал-полковник и заместитель (до 1951 г.) МГБ СССР А. Н.

Аполлонов в августе 1953 г. получил строгий партийный выговор за незаконное расходование госсредств и использование служебного положения в 1943 г. для строительства личной дачи²³.

Но отнюдь не только Абакумов широко пользовался служебным положением при получении трофеев и дорогих подарков от подчиненных. Заместитель министра внутренних дел, а затем председатель КГБ СССР генерал армии И. А. Серов оказался в числе наиболее видных расхитителей трофейного имущества. Как отмечал в конце 1958 г. председатель КПК при ЦК КПСС Н. М. Шверник, после проверки дел бывших начальников оперативных секторов НКГБ-МГБ в Германии генералов С. А. Клепова, А. М. Сиднева, Г. А. Бежанова, а также ближайших работников аппарата Серова в Германии В. М. Тужлова, М. А. Хренкова и Вихрянова, Серов изобличался в хищении для себя свыше двух миллионов марок из Рейхбанка, а также драгоценностей и золотых слитков. В докладной записке Шверника, отправленной на имя Хрущева, говорилось, что группа крупных чекистов во главе с Серовым «грабила в Германии не только учреждения — банки, картинные галереи, но и отдельных граждан Германии, а также лиц, находящихся в заключении». В 1953 г. Серов стал инициатором прекращения следственных дел на своих сослуживцев в Германии. Так, Сиднев симулировал психическое расстройство и, хотя был разоблачен экспертами, оказался передан родственникам и вскоре реабилитирован. Став председателем КГБ, Серов распорядился «вымарать в архивно-следственных делах Клепова, Бежанова и Сиднева все упоминания о себе... В качестве доказательства Шверник приложил фотокопии листов из дел с вымаранными тушью фрагментами текста». Однако Хрущев не дал хода делу о преступлениях преданного ему Серова²⁴.

Работавшие в Германии генералы от госбезопасности получали, помимо высокого содержания (7 тыс. руб. в месяц), по 12 тыс. марок в виде ежемесячной доплаты. Эта сумма, по признанию генерала С. А. Клепова, составляла в послевоенной Германии целое состояние. Генерал Г. А. Бежанов заявил, что лимиты, по которым офицерам и генералам оккупационных войск отпускались товары из богатой и разветвленной сети «Военторга», являлись «баснословно большими»²⁵. Тем не менее чекисты редко могли устоять от соблазна получить какие-то ценности бесплатно. Бывший секретарь И. А. Серова, подполковник В. М. Тужлов, находившийся под стражей в 1948—1951 гг., обвинялся в незаконном приобретении трофейного имущества. Но в сентябре 1954 г. решением КПК при ЦК КПСС он был восстановлен в партии, ибо вещи, вывезенные в СССР, якобы являлись не очень ценными и ущерба стране увлечение трофеями со стороны Тужлова не принесло²⁶.

Всего за послевоенные годы против крупных чинов МГБ возникло много дел о трофейных бесчинствах, но большая их часть оказалась спущена на тормозах. Начальник Управления контрразведки ВМФ СССР в 1943—1946 гг. генерал-лейтенант П. А. Гладков был снят за незаконное расходование крупных государственных средств, присвоение автомобилей, нормируемых продуктов и промтоваров. Также он передал три автомашины в личную собственность своим замам — генералам Карандашеву, Лебедеву и Духовичу, организовал закупку в комиссионных магазинах и у частных лиц имущества для сотрудников управления контрразведки ВМФ на 2 млн 35 тыс. руб. В 1947 г. Гладков отделался административным взысканием²⁷.

В марте 1947 г. начальник УМГБ по Архангельской области А. И. Брезгин решением Секретариата ЦК ВКП (б) был снят с должности и вскоре исключен из партии за то, что, будучи до лета 1945 г. начальником отдела контрразведки «Смерш» 48-й армии в Восточной Пруссии, сначала организовал доставку на свою московскую квартиру трофеев (в основном, мебели), едва

уместившихся на трех грузовиках с двумя прицепами. Затем Брезгин собрал эшелон из 28 вагонов с мебелью, роялями, автомобилями, велосипедами, радиоприемниками, коврами и пр., который прибыл из Германии в Казань, где чекист получил должность начальника отдела контрразведки Приволжского военного округа. Все это имущество было присвоено Брезгиным и его заместителями — Павленко, Палиевым и др. Излишки чекисты открыто распродавали. Известно, что Палиеву спустя годы тоже пришлось ответить за излишества: заместитель МГБ Марийской АССР Г. М. Палиев в мае 1949 г. лишился должности за присвоение в 1945 г. многочисленных трофеев, будучи тогда замначальника ОКР «Смерш» 48-й армии²⁸.

«Трофейные дела» расследовались долго, и виновные в них репрессировались зачастую в связи с борьбой кланов министра госбезопасности В. С. Абакумова и замминистра внутренних дел И. А. Серова. Арест в декабре 1952 г. генерал-лейтенанта Н. С. Власика, в 1946—1952 гг. работавшего начальником Главного управления охраны МГБ СССР, привел к последующему осуждению начальника сталинской охраны (в январе 1955 г.) за служебные проступки на 10 лет ссылки, после чего последовала скорая амнистия²⁹. Ставший жертвой не только бериевских интриг, но также своей жадности власти и материальных благ, Власик был подвергнут репрессиям, в т. ч. за присвоение трофейного имущества. Но характерно, что эпизоды с трофеями не были включены в приговор — как менее важные в сравнении с «государственными преступлениями» Власика, в связи с чем он в 2000 г. оказался полностью реабилитирован³⁰.

В центральном аппарате МГБ не только министры и их заместители могли рассчитывать на получение крупных незаконных прибылей. Работникам внешней разведки было несложно скрывать расходование оперативных средств на собственные нужды. В справке Управления кадров МГБ СССР от 30 января 1947 г. указывалось, что бывший замначальника 4-го управления МГБ генерал-майор Н. И. Эйтингон (известный организацией убийств Чжан Цзолина и Льва Троцкого), «в числе других руководящих работников допустил возможность использования не по прямому назначению продуктов и денежных средств, предназначенных на оперативные цели», по поводу чего руководство МГБ «в отношении Эйтингона ограничилось разбором и внушением»³¹.

Старались не отставать от начальства и оказавшиеся на работе за рубежом чекисты рангом пониже. Уполномоченный опергруппы МГБ на Ляодунском полуострове В. Г. Случевский в феврале 1949 г. был исключен из партии за то, что брал взятки с арестованных корейцев из Южной Кореи; чекист отделался увольнением из МГБ³². Советник МГБ в Чехословакии полковник В. А. Боярский, ранее отличившийся в грабежах жителей Маньчжурии, в феврале 1952 г. получил партийный выговор за «излишества в расходе средств на бытовое обслуживание себя и своего аппарата». Для Боярского этот эпизод обошелся без последствий — он в 1951 г. оказался переведен в аппарат МГБ-МВД Литвы³³.

Местные начальники тоже имели широкие возможности для пользования государственным имуществом. Часть его отправлялась в Москву. Генерал-майор В. А. Какучая, арестованный в июле 1953 г., обвинялся как в массовых незаконных арестах, так и в отправке осенью 1943 г. и в начале 1945 г. (будучи наркомом госбезопасности Северной Осетии) двух вагонов из подсобного хозяйства НКГБ с продуктами, фруктами и вином для Л. П. Бери и Б. З. Кобулова, В. Н. Меркулова, Л. Ф. Цанавы и других руководителей Лубянки. Осенью 1943 г., при отъезде Богдана Кобулова в Москву, Какучая отправил с ним вагон с мясом, медом, фруктами, арбузами, вареньем и пр. — с подсобных хозяйств МВД, СНК и обкома. В начале 1945 г. он отправил в Москву вагон с бараньими тушами, фруктами, медом, вином, вареньем, доставленными затем в ресторан

«Арагви», откуда продукты были распределены между Берией, Кобуловым, Меркуловым, Цанавой и др. чиновниками госбезопасности. Осужденный на 15 лет тюрьмы, Какучая полностью отбыл свой срок³⁴.

Некоторые руководители местных органов госбезопасности попадались на совершении крупных спекулятивных предприятий. К. О. Микаутадзе, нарком госбезопасности Аджарской АССР, работавший в «органах» с 1921 г., был арестован в марте 1945 г. и осужден на 8 лет заключения за должностные преступления (освобожден менее чем два года спустя в связи с амнистией и болезнью). В 1944—1945 гг. с санкции Микаутадзе его заместители — Схиртладзе и Бериулава — вместе с другими ответработниками НКГБ через спекулянта Акопяна совершили ряд махинаций. Снабдив Акопяна фальшивым удостоверением сотрудника НКГБ, чекисты послали его торговать фруктами, и тот под видом подарков для фронтовиков и рабочих ленинградского авторемонтного завода вывез в другие регионы 10 тонн мандаринов и прочих фруктов (при этом Акопян с собой взял еще пятерых спекулянтов, с которых получил за эту поездку 100 тыс. руб.). Продав фрукты, Акопян купил машины, мотоциклы, одежду и прочие товары, которые затем разобрали сотрудники республиканского НКГБ. Жена Микаутадзе получила от перепродажи разных товаров 50 тыс. руб.; спекулировали дефицитными вещами и другие ответработники НКГБ³⁵.

Те, кто вел себя аккуратно и не демонстрировал нажитых богатств, нередко отделялись легким испугом, даже будучи пойманными за руку. Так, например, произошло с руководителями Читинского УМГБ. Группой чекистов, возглавляемой бывшими заместителями начальника областного управления МГБ Р. А. Григоровым и Л. П. Мосиевским, в 1945 г. было привезено из оккупированной Маньчжурии большое количество трофейного имущества, в числе которого имелись сельскохозяйственные машины, станочное оборудование, легковые и грузовые машины, мотоциклы, а также большое количество мяса, рыбы, масла, риса, спирта, шерстяные и шелковые изделия, валенки, полушубки, овчины, кожа, кожаные чемоданы и др. вещи. Большая часть этих ценностей начальником группы Соколовым вместе с его заместителями Григоровым и Мосиевским на учет не ставилась, а оказалась разбазарена без оплаты. Григоров и Мосиевский, будучи в Маньчжурии, на иностранную валюту, изъятую ими в банке, приобретали себе вещи, незаконно израсходовали около 500 тыс. юаней на закупку продуктов и товаров для управления МГБ, списывая эти суммы на «оперативные нужды».

В 1946 г. вновь назначенный начальник управления МГБ В. И. Москаленко, зная о злоупотреблениях бывшего руководства, не принял мер к их прекращению, а узнав о наличии остатков спирта, окороков, колбасы и других продуктов питания и товаров из числа трофейного имущества, распорядился раздать спирт бесплатно начальникам отделов, не забыв и себя. Москаленко брал себе со склада окорока, колбасу и другие продукты, не закрыл незаконно организованную пошивочную мастерскую во внутренней тюрьме МГБ, сам сшил в этой мастерской бесплатно четыре костюма и разрешал бесплатно пошивку костюмов другим работникам УМГБ. Москаленко признал свою вину лишь в том, что использовал для шитья костюмов заключенного портного: «Деньги не оплачивал как он, так и другие работники, имея в виду, что осужденным не платят». В союзном МГБ ограничились объяснением Москаленко, назначив его министром госбезопасности Эстонской ССР³⁶.

Большая группа чекистов «подорвалась» на mine, заложенной конфискационной денежной реформой 1947 г. Обладая информацией о грядущем обмене старых купюр на новые, они с помощью третьих лиц внесли сбережения, желая их сохранить, в сберкассы. Так поступил начальник УМГБ по Свердловской области Т. М. Борщев, приказавший работникам своего

секретариата в день реформы внести наличные деньги Борщева на сберкнижки своего начальника. Другие злоупотребления генерал-лейтенанта вскрылись на процессе в военном трибунале войск МВД Уральского округа, осудившем ряд бывших работников Спецторга УМВД — УМГБ по Свердловской области. Выяснилось, что на протяжении 1943–1947 гг. члены семей ряда руководящих работников УМГБ и УМВД, включая семейства Борщева и начальника управления МВД генерал-майора И. Г. Попкова, «...систематически растаскивали с базы Спецторга... попирая насущные интересы обслуживаемых Спецторгом контингентов, лучшие остродефицитные промышленные товары (шерсть, шелк и т. д.)». Не забывали родственники чекистов и о продуктах, забирая их, помимо Спецторга, с продовольственных складов и столовой «в количествах, значительно превышающих нормальные потребности». Избытки полученного чекисты и их близкие реализовывали по рыночным ценам, как известно, многократно превышавшим государственные³⁷.

Начальник Молотовского (Пермского) УМГБ генерал-майор И. И. Зачепа в мае 1948 г. был снят и уволен из МГБ за «использование в корыстных целях служебного положения в период денежной реформы». Его помощник С. Х. Шехтман тогда же был уволен и исключен из ВКП (б) за участие в сговоре с Зачепой для укрытия от реформы 34 тыс. руб.³⁸ Начальник Управления охраны МГБ Южно-Сахалинской железной дороги и госморпароходства А. И. Воробин в мае 1948 г. был исключен из партии Сахалинским обкомом ВКП (б) и уволен из МГБ за попытку присвоить 6000 руб. в момент проведения денежной реформы и фабрикацию его подчиненными ряда дел против японцев; однако полгода спустя оказался восстановлен в партии за прошлую «положительную работу»³⁹. Попалось и руководство госбезопасности Литвы. Ветеран ВЧК, подполковник М. Р. Штаркман, с 1947 г. работавший помощником министра госбезопасности Литовской ССР, в 1948 г. был уволен из МГБ и исключен из ВКП (б) за то, что 15 декабря 1947 г. под видом средств из особого фонда и спецфонда — с помощью бухгалтера жилищно-строительного отдела МГБ — сохранил от перерасчета 3800 руб. своих денег, 2.400 руб., принадлежавших замминистра госбезопасности Басову и даже 260 руб. министра госбезопасности Капралова, а всего — 26,9 тыс. руб.⁴⁰

При решении судеб «жертв реформы» существенную роль играл размер сумм, укрытых от перерасчета. Например, были замечены в попытках тайно сохранить сбережения начальник пункта охраны МГБ пристани Тобольск Тюменской области И. С. Миклин и начальник отделения охраны МГБ ст. Белово Томской железной дороги Д. И. Салопов (вместе со своим заместителем Оноприенко)⁴¹, но эти чекисты смогли избежать серьезных последствий. При этом были наказаны их подчиненные — возможно, за слишком крупные денежные суммы, укрытые от перерасчета. Так, старший оперуполномоченный пункта охраны МГБ пристани Тобольск Р. С. Баженов был исключен из партии за попытку сохранить от перерасчета 17,5 тыс. руб., но остался в «органах»⁴². А оперуполномоченный отделения охраны МГБ ст. Белово С. С. Корнев в день реформы поместил в банк 44227 руб., за что полгода спустя оказался исключен из компартии (ненадолго) и уволен из МГБ⁴³. Когда начальник контрразведывательного отделения (КРО) Бийского ГО УМГБ по Алтайскому краю И. Г. Олейников во время денежной реформы укрыв в бухгалтерии горотдела 2200 руб., он отделался переводом в Рубцовский ГО МГБ на меньшую должность⁴⁴. Его коллега, старший оперуполномоченный Бийского ГО МГБ Н. В. Малахов, с целью сохранить сбережения сдал в бухгалтерию ГО МГБ небольшую сумму — 550 руб. Вскоре он был повышен и в должности, и в звании, благополучно продолжив чекистскую карьеру⁴⁵.

Очень много злоупотреблений происходило при распределении дефицитных товаров, строительстве личных дач, ремонте и отделке квартир, праздновании различных торжеств.

Начальник УНКГБ-УМГБ по Алтайскому краю В. С. Рузин был уволен из «органов» в апреле 1947 г. за указание пошить себе за государственный счет в 1944—1945 гг. «излишней» обуви (58 пар стоимостью 9,4 тыс. руб.) и одежды (на 7,5 тыс. руб.)⁴⁶. Крушение Рузина отозвалось на судьбе его помощника по хозяйству С. С. Пикмана — в июне 1947 г. тот оказался исключен из ВКП (б) за разбазаривание продуктов и промтоваров, присвоение 3444 руб. и уволен из МГБ⁴⁷.

В 1947 г. за некие злоупотребления был наказан начальник УМГБ по Чкаловской области Горбунов. Начальник УМГБ по Костромской области в 1944—1951 гг. Е. Е. Ширманов в мае 1952 г. оказался уволен из МГБ за злоупотребление служебным положением в личных целях⁴⁸. Партийный функционер А. И. Пулях в 1944—1951 гг. работал секретарем Кемеровского обкома ВКП (б), а с мая 1951 г. учился на курсах при АОН. В 1952 г. он оказался взят в «органы» — на волне чистки МГБ от клана Абакумова — и подвизался на ответственной должности замначальника одного из Главных управлений МГБ СССР. В июне 1952 г. Пуляха исключили в КПК при ЦК ВКП (б) из партии за недостойное поведение в период работы в Кемерове, где он в 1947—1949 гг. получил на 42 тыс. руб. гонораров от редактора областной газеты «Кузбасс», в т. ч. 19,5 тыс. руб. незаконно — как за неопубликованные статьи, так за материалы других авторов и ТАСС. Уголовное дело на Пуляха было прекращено в связи с амнистией 1953 г. ⁴⁹

Не самые крупные корыстные проступки чекистов, сочетавшиеся с политическими ошибками (вроде потери бдительности и т. д.) приводили к более тяжелым последствиям, чем эпизоды со значительными преступлениями по части финансов. Замначальника УМГБ по Ярославской области П. П. Васильков в октябре 1949 г. был обкомом исключен из партии за злоупотребления (продал личную трофейную машину по спекулятивной цене в 25 тыс. руб.) и помощь своему врачу — бывшему меньшевику, судимому по ст. 58 УК, — прописаться в Ярославле. Васильков был переведен в систему ОБХСС Белоруссии и только три года спустя смог добиться восстановления в партии⁵⁰. Подполковник госбезопасности Г. Крайнов обеспечивал безопасность советского атомного проекта, получив назначение представителем Совмина СССР в лабораторию N 1 Харьковского физико-технического института АН УССР. Он успешно занимался спекуляцией автомобилями, а в период денежной реформы «поместил на текущий счет... института под видом государственных средств свои личные деньги в сумме 25 тыс. рублей, а впоследствии взял обратно без переоценки их стоимости». После снятия Крайнова с должности он получил работу в управлении МГБ Ульяновской области, где в феврале 1949 г. парторганизацией «ему был объявлен строгий выговор с предупреждением за потерю политической бдительности и систематическое пьянство»⁵¹.

Расположение региональных властей и нежелание выносить сор из избы позволяло очень многим провинившимся чекистам уходить от реальной ответственности. Начальник Таштагольского РО НКГБ-МГБ М. М. Смирнов Кемеровским обкомом ВКП (б) в августе 1946 г. был снят с должности за развал оперработы, незаконное присвоение промтоваров и продуктов, продажу пригужной лошади. Но впоследствии Смирнов дослужился до подполковника и оказался выдвинут на должность руководителя Учетно-архивного отдела УКГБ по Кемеровской области⁵². Начальник особой инспекции и парторг УМГБ по Алтайскому краю А. В. Князев в октябре 1949 г. получил от крайкома ВКП (б) строгий выговор за незаконное получение спирта с бийского спиртзавода, однако благополучно сохранил должность⁵³. Работник Оперода УМГБ по Новосибирской области П. А. Смердов, участвовавший в расхищении чекистами трех тонн спирта с одного из заводов Новосибирска, отделался в 1949 г. строгим партийным выговором⁵⁴.

Бывший работник «Смерша», а затем преподаватель школы МГБ СССР в Новосибирске Н. И. Корчагин в январе 1947 г. получил строгий партвыговор с предупреждением за присвоение (вместе с другими офицерами МГБ) свыше 13 тыс. руб., вырученных путем перепродажи фруктов. Переведенный на должность начальника Знаменского РО УМГБ по Омской области, Корчагин в декабре 1947 г., желая укрыть деньги от перерасчета, положил в сберкассе 19650 руб., за что был исключен из партии⁵⁵. Другой бывший смершевец, Б. Б. Баркан, до 1949 г. возглавлявший Ленинский РО МГБ в г. Красноярске, горкомом ВКП (б) в августе 1949 г. оказался исключен из партии за присвоение спецсредств (300 руб. из фонда оперработы) и подделку документов, оставшись тем не менее в штатах управления МГБ⁵⁶.

Частым явлением было присвоение секретных сумм, предназначенных для оплаты услуг агентуры. Начальник КРО УМГБ по Читинской области З. С. Протасенко в июне 1951 г. был исключен обкомом из партии за незаконный расход госсредств: работники КРО пьянствовали и растратили ок. 9000 руб., предназначенных для оплаты агентуры⁵⁷. Начальник отделения Транспортного отдела МГБ ст. Ашхабад А. Г. Кочетков в июле 1946 г. был исключен из партии за присвоение госсредств: составил 10 ложных расписок от имени сексотов и получил по ним 2900 руб. Наказание оказалось легким — три года условно⁵⁸. Начальник Дубровинского РО УНКГБ-УМГБ по Тюменской области А. Д. Королев в апреле 1948 г. был обкомом партии снят с должности за присвоение госсредств (подделывал денежные документы, присвоив 7343 руб.) и как не справившийся с работой, а несколько месяцев спустя оказался под судом военного трибунала⁵⁹.

Были случаи, когда чекисты брали деньги за содействие в прекращении следственных дел. После долгого сопротивления сотрудники МГБ в 1950 г. арестовали взяточника-кадровика Кузнецова, о котором написал в ЦК его бывший подчиненный: «При проверке указанного заявления установлено, что Кузнецов, работая в органах МГБ и используя служебное положение, систематически брал взятки. В 1948 г. за взятку в сумме 12 тыс. рублей Кузнецов оставил осужденного Гринберга отбывать наказание в Московской области вместо высылки его в отдаленные районы страны. В 1947 г. получил 4800 руб. с Богомоловой, пообещав перевести осужденного ее мужа из тюрьмы в лагерь, а затем досрочно освободить его»⁶⁰. Старый сибирский чекист А. А. Царев, начальник отдела «А» УМГБ по Кемеровской области, в апреле 1952 г. обкомом ВКП (б) был исключен из партии за получение взятки под обещание помочь избавиться от наказания⁶¹.

Наглядным примером низкой морали коммунистов МГБ были частые факты хищений партийных взносов парторгами чекистских учреждений. Парторг УМГБ по Кемеровской области И. П. Емельянов, бывший опытный контрразведчик, в 1947—1949 гг. с помощью подделки документов присвоил и растратил 63 тыс. руб. партвзносов, за что был привлечен к уголовной ответственности⁶². Парторг (в 1949—1951 гг.) УМВД той же области Б. И. Холоденин был исключен из ВКП (б) за присвоение 3662 руб. партвзносов (при месячном окладе 3300 руб.), снят с должности и затем осужден на 8 лет ИТЛ⁶³. Парторг Бийского горотдела УМГБ по Алтайскому краю А. К. Савелькаев в мае 1948 г. был исключен из партии за присвоение 2069 руб. партвзносов «на пьянки» и уволен из «органов»⁶⁴. Парторг и начальник следственного отдела ОКР МГБ Восточно-Сибирского военного округа В. И. Сапрынский в декабре 1951 г. получил строгий партийный выговор за растрату в конце 40-х годов 13 тыс. руб. партвзносов и был сильно понижен в должности⁶⁵.

Бумерангом отзывались на крупных функционерах МГБ судебные дела в отношении связанных с ними партийно-советских чиновников. Работавший в 1943—1948 гг. начальником УНКГБ-УМГБ по Красноярскому краю генерал-майор М. Ф. Ковшук-Бекман, будучи на пенсии, в апреле 1950 г. получил в КПК при ЦК ВКП (б) выговор за умолчание о незаконном расходовании продуктов и спирта управляющим Красноярского мясопромптреста Яновским, который раздавал бесплатные мясoproдукты и спирт руководителям края «с целью задабривания и подкупа»⁶⁶. Начальник УМГБ по Ленинградской области в 1946—1949 гг. Д. Г. Родионов в августе 1951 г. получил строгий партвыговор за участие в банкетах за государственный счет в обкоме и горкоме ВКП (б). Министр госбезопасности Аджарской АССР Н. К. Парцхаладзе, построивший себе в г. Цулукидзе и Гагре два дома, использовав госресурсы по заниженной цене, в ЦК КП (б) Грузии в июне 1952 г. был исключен из партии⁶⁷ — вероятно, в связи с так называемым «Мингрельским делом».

Воровство, хищения и коррупция оказались родовыми чертами советских спецслужб, оставаясь существенным элементом быта органов НКГБ — МГБ военного и послевоенного времени. Могущество и закрытость карательных органов давало и руководству, и рядовым сотрудникам множество способов пополнения своего кармана как за счет прямых хищений, так и благодаря политическому влиянию чекистов, которое успешно «конвертировалось» в различные материальные блага. Затем «оттепельные» политические процессы резко сократили численность и влияние органов госбезопасности, усилили контроль за ними со стороны партийных и прокурорских органов. Есть основания полагать, что уровень коррупции, в сравнение с годами позднего сталинизма, понизился. Однако для 50–80-х годов характерен значительный рост деятельности органов КГБ за рубежом, что, безусловно, способствовало нелегальному получению различных материальных выгод лицами, выезжавшими за границу. Наблюдалось в тот период и сращивание партийно-советской и чекистской элит на коррупционной основе, особенно в национальных республиках. А переход к рыночным отношениям открыл для силовых структур новые, небывалые доселе возможности незаконного обогащения, которые когда-нибудь тоже станут предметом специального исследования.

Примечания

1 См. *Столяров К.* Голгофа. — М., 1997; *Тумшиц М. А.* ВЧК. Война кланов. — М., 2004; *Петров Н. В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. — М., 2005; *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ - НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М., 2008; *Тепляков А. Г.* Опричники Сталина. — М., 2009.

2 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 269; Т. 33. С. 98–102.

3 *Скоркин К. В.* НКВД РСФСР: 1917–1923 // МВД России: Люди, структура, деятельность. — Т. II. — М., 2008. С. 254.

4 Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. — М., 2007. С. 368.

5 *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. — М., 2007. С. 38, 41, 157.

6 Документы говорят о фактах повальных грабежей армией С. М. Буденного, сотнями вагонов тащившей за собой чужое имущество. В феврале 1920 г. Я. Х. Петерс и Ю. В. Ломоносов сообщали Ленину, Троцкому и Красину, что армия Буденного «разлагается с каждым днем: установлены грабежи, пьянство, пребывание в штабе подозрительных женщин... Буденный перестает считаться с кем-либо. Бесчинства, творимые им на жел. дор. совершенно невероятны... За каждой частью следует хвост вагонов наполненных женщинами и награбленным имуществом... число таких вагонов около 120 на [каждой] дивизии». В противовес этому Г. К. Орджоникидзе в спокойном

- тоне телеграфировал Ленину, что боеспособность частей Буденного не пострадала, а «пьянство и грабежи у них старое явление». Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. — М., 1996. С. 117. Буденовцы очень конкретно представляли, за что сражаются, и немного позднее так же неистово грабили население еврейских местечек (погромы были остановлены только арестами и расстрелом около 400 бойцов и командиров), а также жителей захваченного Крыма.
- 7 *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра» С. 112.
- 8 Из истории ВЧК. Сб. документов. — М., 1958. С. 246.
- 9 *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С. 111.
- 10 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 551; Д. 358. Л. 144.
- 11 *Ишин А. В.* Организация и деятельность органов советской власти, осуществлявших борьбу с вооруженным антибольшевистским движением на Крымском полуострове в 1920 — 1922 годах // Культура народов Причерноморья. Том 3. Раздел II. — Симферополь, 1999; Ф. Э.
- Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926... С. 400–401.
- 12 *Тепляков А. Г.* Опричники Сталина. — М., 2009. С. 114–115, 118–120, 153; *Красильников С. А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. — М., 2003. С. 238.
- 13 См. *Тепляков А. Г.* Машина террора... С. 563–569.
- 14 Отраслевой государственной архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 16. Оп. 30. Д. 133. Л. 328–330.
- 15 *Жирнов Е.* «Работа в Чека часто развращает» // Власть. 2008. N 49 (802), 15 дек.; Берия: конец карьеры. — М., 1991. С. 300, 317.
- 16 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 6. Оп. 2. Д. 902. Л. 83.
- 17 Там же. Оп. 3. Д. 64. Л. 73, 74.
- 18 Там же. Л. 73.
- 19 *Смыслов О. С.* Генерал Абакумов: Всесильный хозяин Смерша. — М., 2005; *Петров Н. В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. — М., 2005. С. 109, 110, 374.
- 20 *Петров Н. В.* Первый председатель КГБ... С. 110, 373, 389.
- 21 Там же. С. 108, 357, 109, 371.
- 22 Там же. С. 109, 376.
- 23 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 207. Л. 117–125.
- 24 *Петров Н. В.* Первый председатель КГБ... С. 188–189.
- 25 Там же. С. 284, 290.
- 26 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 512. Л. 49.
- 27 Там же. Д. 64. Л. 197, 202, 204, 206.
- 28 Там же. Оп. 2. Д. 1217. Л. 1, 6; Д. 1491. Л. 31.
- 29 *Петров Н. В.* Первый председатель КГБ С. 361.
- 30 См. *Колесник Л. Н.* Главный телохранитель Сталина (Судебное дело Н. С. Власика). — Харьков, 1990; *Юдчиц А.* Генерал Власик — телохранитель Сталина // <http://7days.belta.by/7days.nsf/last/>
- 31 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1846. Л. 67.
- 32 Там же. Д. 1747. Л. 127.
- 33 Там же. Оп. 3. Д. 176. Л. 182.
- 34 *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. — М., 1999. С. 219–220; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 496. Л. 154, 157, 158.
- 35 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1668. Л. 87–88.
- 36 *Жирнов Е.* «Работа в Чека часто развращает» // Власть. 2008. N 49 (802), 15 дек. Если чекисты, присвоившие крупные суммы, чаще всего довольно скоро выходили на свободу, то лица неоперативного состава за хищения наказывались строже. Так, бухгалтер Транспортного отдела

- МГБ Восточно-Сибирской железной дороги Масюк в 1946 г. был уличен в растрате более 200 тыс. руб., за что оказался осужден к расстрелу. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 143. Л. 104.
- 37 *Тумшиц М. А.* ВЧК. Война кланов. — М., 2004. С. 298–300.
- 38 *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД? С. 203; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1385. Л. 153; Д. 1669. Л. 23.
- 39 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1425. Л. 32.
- 40 Там же. Д. 150. Л. 1, 37; Д. 1501. Л. 37–38; Д. 1786. Л. 49.
- 41 Там же. Д. 1454. Л. 125 об.; Д. 1442. Л. 29.
- 42 Тюменский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ). Ф. 124. Оп. 21. Д. 63. Л. 40; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1454. Л. 125.
- 43 ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 249. Л. 59; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1442. Л. 29.
- 44 Центр хранения Архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. П-1. Оп. 18. Д. 425. Л. 177; Ф. П-4117. Оп. 1. Д. 6. Л. 45, 49; Ф. П-5762. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–6, 62; Д. 13. Л. 1, 27; Д. 14. Л. 94.
- 45 Там же. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 96. Л. 88; Ф. П-5762. Оп. 1. Д. 13. Л. 27; Д. 14. Л. 23, 32, 94; Д. 15. Л. 46, 63.
- 46 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1379. Л. 213; Оп. 3. Д. 559. Л. 126.
- 47 ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 11. Л. 70–71; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1314. Л. 70.
- 48 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 111. Л. 89; Д. 294. Л. 72.
- 49 Там же. Д. 275. Л. 183.
- 50 Там же. Оп. 2. Д. 1678. Л. 89.
- 51 *Жирнов Е.* «Работа в Чека часто развращает» // Власть. 2008. N 49 (802), 15 дек.
- 52 Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 229. Л. 148; Оп. 2. Д. 36. Л. 121–122; Государственность. Законность. Честь: страницы современности /Автор-составитель В. А. Бодренков. — Кемерово, 2007. С. 370.
- 53 ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 80. Д. 3. Л. 153; Оп. 88. Д. 24. Л. 533–534.
- 54 *Тепляков А. Г.* Портреты сибирских чекистов // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. — Новосибирск, 1997. С. 110.
- 55 ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5048. Л. 32–34; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1391. Л. 95–96.
- 56 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1549. Л. 12, 82.
- 57 Там же. Оп. 3. Д. 61. Л. 79; Д. 498. Л. 72.
- 58 Там же. Оп. 2. Д. 1203. Л. 24; Оп. 3. Д. 150. Л. 96.
- 59 ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 61. Л. 166; Оп. 21. Д. 29. Л. 19; Д. 71. Л. 32.
- 60 *Жирнов Е.* «Работа в Чека часто развращает» // Власть. 2008. N 49 (802), 15 дек.
- 61 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 12. Л. 13, 83.
- 62 ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 245. Л. 138; Оп. 2. Д. 343. Л. 209.
- 63 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1819. Л. 22.
- 64 ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 80. Д. 16. Л. 151; Ф. П-5762. Оп. 1. Д. 14. Л. 84–89; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1417. Л. 99.
- 65 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 13. Л. 125.
- 66 Там же. Д. 595. Л. 97–98.
- 67 Там же. Д. 581. Л. 28; Д. 15. Л. 77.

Впервые опубликовано: О коррупции в органах НКГБ — МГБ СССР 1940–1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Красильникова / Новосибирский государственный университет. — Новосибирск: Издательство «Сова», 2009. С. 205–223.